02 1990

4 5 2

ТУ-19-241-82

0

1

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—150

РГДБ
2015
А. Шаров
ПРО ЁЖЕНЬКУ
художник
В. Вторенко

В маленьком городке жили-были два брата-художника. Младший брат рисовал яркими цветными карандашами. За это все звали его — Добрый Художник.

А старший брат—одним только чёрным карандашом. За это его прозвали—Злой Художник.

Стояла зима. Морозная, снежная. К вечеру совсем захолодало. Пошёл Добрый Художник в лес — хворосту набрать, чтобы печку растопить. Идёт чащобой. Темно. Холодно. Страшно.

Вдруг видит в сугробе, под ёлочкой,—ёжик: шуба заледенела, чёрный нос побелел от мороза. «Простите, пожалуйста, я ззз...а... ммм... е... рр... ззз... аю» ,—говорит.

Пожалел Добрый Художник ёжика и посадил к себе за пазуху: «Грейся, Ёж-Ежище Чёрный Носище». И тут же укололся больно-пребольно о ежовые иглы.

И будто сразу тепло стало в лесу. Ели и сосны взялись за руки, окружили Доброго Художника, ведут хоровод. А маленькая ёлочка говорит ему тихонько: «Ничего не бойся. Ничего страшного не случилось».

«Ничего не бойся!—вторит ей мудрый старый пень в снежной шапке.—Просто-напросто ты стал волшебником. Так бывает с каждым, кто в морозную ночь повстречает Ежа-Ежища и согреет его».

«Что же мне делать!» — прошептал художник. Синие подснежники выглянули из снежных сугробов. «Рисовать!» — сказали они. «Но помни, это нелегко — быть настоящим Добрым Художником», — проскрипел старый пень.

Лесной ветер отнёс Доброго Художника прямо домой. Очнулся он, а в печке уже огонь пылает. Тепло.

Добрый Художник тут же начал рисовать на листе бумаги картинки и буквы для азбуки. Но не с А, как положено, а с Ё—вспомнился Ёж-Ежище Чёрный Носище. Только принялся букву прорисовывать, а она, как живая, со страницы норовит соскочить.

«Всё, что нарисуешь, будет живое!»—звенели карандаши. Догадался Добрый Художник: стали его карандаши волшебными. Подумал он: «Нет у меня детей. Дай нарисую я себе маленькую доченьку. И назову её Ёженькой».

Взял и нарисовал. Славная девочка получилась — большеглазая, рыжая, с бантами.

Только вот немного капризная. Огляделась и захныкала: «Ску-у-у-учно!» Доброму Художнику жалко девочку. И нарисовал он море: спокойное, весёлое. И небо — ясное. И лодку, и мачту. Всё тут же ожило.

Дал он Ёженьке в руки синий воздушный шар и сказал: «Плавай по морю. Не скучай. А я пойду ещё карандашей куплю».

Ушёл Добрый Художник, а Злой Художник тут как тут. Все тёмные карандаши—цап-царап! «Мои!— кричит.—Не отдам! Тоже волшебником хочу стать. Злым! И тебя, глупая Еженька, погублю!»

И забурлило море, заходили чёрные волны. Мачту сломало, парус сорвало. Того и гляди, лодка утонет... Очень не любил детей этот Злой Художник.

Почуял Добрый Художник неладное, прибежал домой. А море бушует всё сильнее. И не видать лодки среди волн. «Пропала моя милая Ёженька!»

Вдруг видит: над гребнями волн летит Еженька на воздушном шаре. А ветер рвёт шар из её рук. Ещё немного—упадёт девочка в море. И утонет. «Спасай меня скорей!»—просит Еженька.

Быстро нарисовал Добрый Художник остров среди океана. Усмирил море, ветер. Опустилась Ёженька прямо на середину острова.

Стоит Ёженька на острове и радуется солнцу, горячему песку под ногами, синему небу над головой. Только очень уж остров голый... Ни травинки, ни цветочка. Крутит ветер песок, сыплет в глаза Ёженьке.

Нарисовал тогда Добрый Художник на острове цветы, траву, кусты. И три чудо-пальмы. Одна—шоколадно-пирожно-конфетная. Вторая—мороженопломбирная. Третья—аптечная: вдруг Еженька перекупается или слишком много конфет съест.

А Злой Художник пристроился рядом с Добрым, прикрылся ладонью и рисует ужасные ужасы. Одного... двух... трёх... коричневых людоедов. Чтоб они поймали Еженьку и съели.

Решил тогда Добрый Художник сразиться со Злым, да не тут-то было. Провёл Злой Художник чёрным-пречёрным карандашом черту-стену. Отгородился от Доброго. Что же делать? Как спастись Еженьке от людоедов?

Нарисовал Добрый Художник трёх братьев Ежень-ке—трёх храбрых воинов: «Защищайте сестричку!» Назвал их—Старший Ёж, Средний Ёж и Младший Ёж. Каждому воину нарисовал щит.

Каждому нарисовал сердце. Старшему Ежу—золотое: сильное и горячее, как солнце. Среднему Ежу—синее, верное и широкое, как море. А Младшему Ежу—зелёное: доброе и ласковое, как трава.

А одно сердце, яркое, как радуга, он нарисовал про запас. И спрятал его на самой макушке конфетной пальмы.

Злой Художник тоже не терял времени—нарисовал ещё трёх людоедов. Значит, всего их стало: 3+3=6. Много. Каждому по три копья пририсовал. Итого: 3×6=18! И крикнул страшным голосом: «В бой, людоеды! Конец тебе, глупая маленькая Еженька!»

Послушались людоеды и метнули копья. Подняли и сомкнули щиты храбрые Ёженькины братья.

Сильно, очень сильно ударили копья. Но Еженькины братья выдержали. Даже самый младший выстоял, хоть пришлась на его долю половина всех копий: 18:2=9.

Но не отступил Злой Художник. Нарисовал серое Чудовище-Пятирога. Бьёт Злой Художник Пятирога, приказывает: «Беги, растопчи глупую Ёженьку и её глупых братьев!»

Побежал Пятирог. Задрожал остров под его ножищами, как при землетрясении. Но Еженька придумала, как победить врага, и шепнула об этом братьям.

Старший Ёж подскочил и ухватился за верхушку конфетной пальмы. Средний схватил его за ноги. А Младший и Ёженька уцепились за ноги Среднего. Как лук до земли согнулась высокая пальма...

«Отпускай!» — скомандовала Еженька. Разогнулась пальма. Полетели навстречу Чудовищу-Пятирогу «Мишки», шоколадные бомбы, кремовые пирожные, торты. А вместе со сладостями и сердце — то, запасное...

Открыло чудовище пасть и проглотило сто тортов, тысячу пирожных, десять тысяч конфет. А вместе со сладостями в него влетело сердце.

И тут же Чудовище-Пятирог улыбнулось, протянуло Ёженьке лапу: «Ни за что я тебя не растопчу и не проглочу!» И Ёженька смело протянула ему обе руки.

Всё бы хорошо, но Злой Художник быстро нарисовал гору. А на вершине горы — дыру. Потом хвать красный карандаш — и извержение вулкана готово.

Красный дым повалил из жерла вулкана и застлал небо. Льётся красная кипящая лава. А Злой Художник радуется: «Пусть весь остров зальёт и всё погибнет!»

Страшно! Очень страшно! Только не испугалась Ёженька. Улыбнулась, шепнула что-то воинам Ежам. И все повисли на морожено-пломбирной пальме. И Чудовище-Пятирог вместе с ними.

Р-раз!—и полетели навстречу лаве три миллиона порций крем-брюле! Лава, конечно, тут же замёрзла.

Прибежали людоеды и давай ту мороженую лаву слизывать, грызть, кусать, руками отламывать. Так налопались, что разболелись. У кого живот, у кого горло.

Катаются людоеды по песку, плохо им. «Воевать больше не будете!» — спрашивает Ёженька. «Честное слово, не будем!» — отвечают людоеды.

Тряхнул тогда Чудовище-Пятирог аптечную пальму. Посыпались с неё лекарства. Сразу вылечились людоеды.

«Раз воевать больше не будете, давайте мириться»,—сказала Ёженька. И людоеды помирились с Ёженькой и с тремя её братьями, и со сластёной Чудовищем-Пятирогом. А Добрый Художник смотрел на них и радовался.

Ух, как рассвирепел Злой Художник! И с досады исчертил всё вокруг себя чёрным карандашом. Да так зачертил, что замуровал сам себя в клетку. Чёрный карандаш весь извёл, а другие карандаши – за решёткой остались. Не выйти ему из клетки! Но нам его не жалко. А вам?

КОНЕЦ

Сценарий Т. КАРЕЛИНОЙ
Редактор Т. СЕМИБРАТОВА
Художественный редактор В. ДУГИН

103062, Москва, Старосадский пер., 7
Цветной 0-30
Д-054-86